

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Т. Э. Доценко (Бийск)

Проблема гуманистического синтеза антропологообразовательных традиций – одна из актуальных в современной философии образования; ее решение связано с осмыслением возвышенного образовательного идеала, необходимость которого обосновывается в настоящей статье. Игнорирование идеального начала как существенной характеристики образовательного феномена сводит образование к технологии научения, самого же человека – к неким функциональным проявлениям (производственным, социальным, физиологическим и пр.). Но поскольку человек по определению возвышен, концепция идеала должна структурировать образовательный процесс как универсальное условие более или менее полного проявления человеческой сущности.

Ключевые слова: гуманистический синтез, гуманизм, возвышенный идеал, идеальное в образовании, человек совершенный.

THE HUMANISTIC IDEAL IN EDUCATIONAL PROCESS

T. E. Dotsenko (Biysk)

The problem of humanistic synthesis of anthropological educational traditions is one of actual problem in modern philosophy of education; the decision of it is interconnected with our comprehension of a sublime educational ideal. The author of this article proves the necessity of it. The ignoring of ideal principles as essential characteristic of an educational phenomenon reduces education to a teaching technology, and the person – to certain functional manifestations (industrial, social, physiological and so on). But as the Person is sublime by definition, the concept of ideal must structure an educational process as a universal condition of more or less full manifestation of human essence.

Key words: humanistic synthesis, humanism, a Sublime Ideal, an Ideal in education, the Perfect Person.

Задача гуманистического синтеза, актуальная, на наш взгляд, для современной философии образования, неизбежно сопрягается с проблемой результирующего компонента учебно-воспитательной деятельности как некоего идеала, который определяет смысловой вектор образовательного процесса во всей его целостности. Антропологообразовательная традиция рассматривает данный идеал как возвышенный, который представляется возможным лишь в более или менее фиксированном приближении, в

Доценко Татьяна Эдуардовна – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина.

659333, г. Бийск, ул. Короленко, д. 53.

E-mail: nirs@bigpi.biysk.ru

качестве феномена, обеспечивающего желаемый результат собственно своим потенциальным наличием, не требующего обязательного воплощения в реальность. Возвышенный идеал подразумевает стремление, а не достижение; духовное совершенство, а не материальное – вещественное – обретение.

Идеальное в образовании – это даже не задаваемая цель, но сущностная характеристика феномена. Собственно вариативность результирующего компонента образования (в качестве такового может быть, например, человек культуры, человек умелый, человек, принявший ту или иную идеологию, и т. д.) свидетельствует, скорее всего, о его исключительно прикладном характере. Онтологический же смысл образования заключается в органическом присутствии в нем невыразимого или, во всяком случае, слабо формализованного возвышенного идеала. Игнорирование данного начала сводит образование к технологии научения, самого же человека как микрокосма – к некоей функциональной возможности: производственной ли, социальной, физиологической и т. п. Полагаем, что возвышенный идеал не должен быть ограничен рамками строгой дефиниции, он принципиально не называем, он есть *молчание* образования, определяющее особую значимость последнего.

Проведем следующую аналогию. «Человеческая речь есть то, чего могло не быть», – убедительно обосновывает В. В. Бибихин [1, с. 30]. Молчание – основа языка; хотя рассуждения по этому поводу находятся на высоком уровне абстракции, однако «не нужно жалеть об утрате мнимой определенности» [1, с. 30]. Так, отказывая возвышенному образовательному идеалу в рамочной определенности, мы наделяем его бесконечно богатым содержанием, теми потенциями, которые формируются в условиях той или иной социокультурной ситуации. *Молчание* образовательного идеала есть (если можно так выразиться) *сон* архетипов, незримое, но определяющее наше бытие *присутствие*. Всякая попытка конкретизировать идеал имплицитно предполагает, на наш взгляд, конечность философии и истории образования; в такой логике «конец образования» уже давно должен был бы наступить, ибо периодически возникали системы, признаваемые в определенный момент вершинами образовательной мысли. Согласно этим системам предполагалось, что резервы дальнейшего развития образовательной мысли исчерпаны; однако спустя какое-то время появлялись новые системы, в свою очередь признаваемые «безупречными», и т. д. Характерный пример – понимание образования патристской (и не только; см. также у Я. А. Коменским – [6, с. 136]) как подготовки к иной, высшей жизни, достойному предстоянию перед Господом.

Иоанн Златоуст призывал с раннего возраста вводить детей «в жизнь небесную» [4, с. 199], Иероним рассуждал о воспитании души, «коей предстоит стать храмом Господним» [3, с. 120]... А вот как определяет целевой компонент воспитания Климент Александрийский: «... человек воспитывается до состояния чада Божия и освящается в оное. Через воспитание, полученное на земле, становится он гражданином неба (Фил. 3: 20); на небе получает он Отца, которого здесь на земле учится познавать» [5, с. 37]. Изначальный, подлинный педагог для Климента – Логос, Христос, следовательно, земные наставники – лишь посредники между ним и обу-

чаемыми. Климент учит: «... мы скажем о том, кто состоит нашим Педагогом. Имя ему Иисус. <...> Педагогика же Его состоит в Божественной религии, в наставлении, как должно служить Богу, в обучении, приводящем к познанию истины. Вот руководство подлинно верное, потому что оно движется по направлению к небу» [5, с. 34]. Думается, приведенный и последующий фрагменты было бы справедливо интерпретировать как свидетельства того, что Климент весьма высоко возводит значимость «земного» педагога, уподобляет послушание последнему послушанию Богу: «... педагог наш в любвеобильной своей заботливости о нас, своих детях, учит нас такому образу жизни, который ведет ко спасению. Но и вообще, что без ущерба для справедливости мы просим у Бога, то при послушании Педагогу дается нам» [5, с. 35].

Представляется уместным следующее рассуждение. Если принять точку зрения Климента Александрийского (а равно Иеронима, Иоанна Златоуста и других Отцов церкви), то философия и история педагогики и образования завершается с принятием христианства. Отныне, утверждают патристика и многие последующие мыслители, педагогика будет исключительно христианской – во все времена с одними целями! Перед нами поистине глобальная метафизическая установка: человек обучается в предвкушении стать «гражданином неба» (существенное отличие от современной метафоры «гражданин мира»). Его воспитывают и обучают, имея в виду будущее *совершенное* (идеальное) Бытие. Возможно ли при таком подходе какое-то реформирование образования, уже подошедшего к пику своего развития? Скорее, уместно вести речь лишь о некой *модернизации* в рамках устойчивой концепции.

Дискурс «возвышенной идеи», на обретение которой в конечном счете ориентировано образование, охватывает такие понятия, как благо, добро (добродетель), счастье, красота, труд, радость, нравственность, справедливость и т. д. Понятийный ряд выглядит достаточно внушительным, однако «родовым» началом как перечисленных, так и не названных близких феноменов предстает единое явление, которое можно назвать «человеком совершенным». Последний в гуманистической картине мира обладает всеми положительными качествами, внешней гармонией духовного и физического; в религиозных терминах он – полноправный соавтор Творца в создании земного совершенства, на языке светском – завершающее звено развития природы, чувства и разум которого устремлены к максимальному самовыражению.

На наш взгляд, в российском обществе сегодня возрождается потребность в таком человеческом идеале. Правильнее сказать, потребность эта относится к набору базовых, устремленность «к небу» – свойство человека из числа архетипичных. Иное дело, что в 1990-е гг. в ходе социально-политических трансформаций в нашей стране понятие «идеального» было искусственно вытеснено на обочину мировоззренческой культуры. Однако становится очевидным, что говоря о том, будто идеал гармонично развитой личности есть утопия тоталитарного общества, мы в действительности творим очередной идеологизированный миф. Конструктивным представляется мнение, что, «отфильтровывая различные искажения, этот идеал в процессе образования должен культивироваться, ибо в противном

случае общество грозит превратиться в конгломерат изолированных индивидов, неспособных к созидательному общению и воспроизводству культуры посредством умения передать накопленное наследие» [9, с. 52].

Обращение к идеалу, иначе говоря – возвращение гуманизма, подразумевает и возвращение в современную образовательную практику гуманистического наследия прошлого. Востребованным, на наш взгляд, должно быть, сегодня и духовно-педагогическое наследие замечательного педагога-гуманиста 1950–1960-х гг. В. А. Сухомлинского; к некоторым его положениям мы обратимся в данной статье.

Возвышенная идея в традициях гуманизма есть в то же время идея добра: «Идея добра становится как бы частицей твоего существа, она неотделима от твоих мыслей, убежденности. Идея добра – это мерка, с которой ты подходишь к объяснению и оценке человеческих отношений вокруг себя» [12, с. 176]. В понятие «добро» Сухомлинский вкладывает глубокий и многогранный смысл: это и активная деятельность, самоотверженный труд во имя народа, любовь к людям, честность, правдивость, скромность и т. д. – характеристики, традиционно воспринимаемые общественным сознанием как критерии истинной человечности. Упоминание в данном контексте и «утверждение коммунистических идеалов» [16, с. 284] следует, думается, воспринимать исторически, причем скорее не как идеологическую, но духовную метафору. В подтверждение сошлемся на другую работу В. А. Сухомлинского, где он соотносит идею добра с идеальным человеком будущего: «Человек при коммунизме будет, по-моему, прежде всего добрым. Чувствование человека, духовная потребность в другом человеке – вот, на мой взгляд, самая главная черта человека будущего» [15, с. 91].

В связи со сказанным следует обратить внимание на некоторые работы последнего времени [см., напр. : 2, с. 50, 54; 8, с. 8], в определенном смысле восстанавливающие историческую справедливость и акцентирующие общечеловеческое и гуманистическое содержание социалистической идеи как нравственного образа желаемого, что способствует выявлению общих духовных истоков как социализма, так и собственно мировой культуры.

Таким образом, дело не в термине (во всяком случае, далеко не только в нем!), каким уместно обозначить «возвышенную идею»: можно назвать ее «коммунизмом», но можно – и просто «счастьем». Есть основание полагать, что и для В. А. Сухомлинского в каких-то личностных мировоззренческих глубинах коммунизм – не идеологическая догма, не политическая цель, требующая порой не самых гуманных средств для своего достижения, но простая и понятная универсалия подлинно человеческого существования, тот высший уровень бытия, который характеризуется понятием *счастье*: «Все во имя счастья человека. Коммунизм – это не что-то божественно-непостижимое, возвышающееся над безликой массой людей. Коммунизм – в самом человеке, в его счастье. Строить коммунизм – это значит создавать счастье каждому человеку, каждой семье, а это невозможно без счастливого общества» [15, с. 16].

Исходя из сказанного, мы вправе воспринимать некоторые термины, ассоциирующиеся с коммунистической идеологией (субъективное отно-

шение к этой идеологии в данном случае значения не имеет!), как универсалии, аналогичные традиционным всечеловеческим ценностям. Обратим внимание на то, чем привлекателен коммунизм для В. А. Сухомлинского – не «мировой революцией», не «соединением пролетариев всех стран» и т. п. По его мнению, «именно коммунизм ставит своим идеалом то, чтобы каждый человек стал талантливым тружеником, талантливым творцом. Талантливый слесарь, талантливый электросварщик, талантливый агротехник, талантливый свиновод – вот идеал коммунистического воспитания, и я глубоко верю в этот идеал» [15, с. 21]. Приведенные рассуждения свидетельствуют о том, что возвышенная идея в образовании антропологична, но не идеологична. Выполняя социальный заказ общества на подготовку тех или иных специалистов, образование своей гуманистической сущностью одухотворяет этот самый «заказ», способствуя становлению прежде всего личности, обладающей конкретными умениями, но не продуцируя «поток» ремесленников, материальная устремленность которых превалирует над духовным миром.

Импульс возвышенной идеи наделяет человека творческо-деятельной энергией. Именно в этом смысле, а не идеологическом, вводит В. А. Сухомлинский термин «человек идеи» [19, с. 13], называя таковым личность, вдохновляемую идеалом, в бесспорной истинности которого нет сомнений. Идеальный человек высокоморален, отличается твердыми убеждениями, требователен к себе, социально активен, ответствен за других и т. д. Наконец, подлинно идейная деятельность есть «важнейшее условие успешного воспитания патриотических убеждений» [10, с. 5]. Такой человек не следует «за идеей» в смысле выполнения некоей заданной извне «программы», идеологической концепции. Быть «человеком идеи» – значит быть ведомым по жизни идеей человека как воплощения добра, сознавая принципиальную позитивность бытия во всех его проявлениях. В гуманистической картине мира учение «мыслится и переживается как счастье, благо, привлекательная деятельность» [12, с. 79], приносит «чувство глубокой радости» [11, с. 33]; повседневный труд не тяготит, а «утверждает честь и достоинство личности» [18, с. 72], в таком труде – «основа человеческого счастья» [14, с. 25]; жажду познания удовлетворяют безграничные возможности разума [13, с. 258]. Сказанное свидетельствует, убежден Сухомлинский о том, что «мир вступает в век Человека» [15, с. 29]. То, что ведет человека по жизни, делает его бытие осмысленным и осознаваемым – это и есть возвышенная идея, о востребованности которой в настоящее время свидетельствует, на наш взгляд, социокультурная ситуация, которую мы определили как «возвращение гуманизма».

Если рассматривать возвышенную идею как системный феномен, то его структуру составит синтез таких основных сегментов, как образование, труд, счастье, красота, гармония, добро, радость <...>. Обособление этих понятий зачастую является условным, ибо в гуманистическом мировосприятии они сливаются друг с другом. Так, образование – это и радость, и счастье, и благо, и привлекательный вид деятельности; труд – счастье и достоинство и т. п.

Рассмотрим подробнее некоторые из названных понятий, чтобы отчетливо проявился их вневременной, всечеловеческий (гуманистический)

характер. Возвышенная идея подразумевает *бытование в красоте*. Красота в гуманистической традиции есть прежде всего синтез желаемого; так, для Сухомлинского она – «и искусство, и музыка, и сердечные отношения с людьми» [15, с. 30]. Красота, конечно же, идеальна, отождествляется с нравственным: «Идеал человеческой красоты – это вместе с тем и идеал нравственности» [15, с. 64]; она и рукотворна, иначе говоря – принципиально достижима: «Красота – это глубоко человеческое» [15, с. 81]; красота – неперенное средство воспитания [12, с. 222–226], ибо заключается в справедливости, в добре и правдивости [см. : 16, с. 495–496].

Понятие «радость» в языке гуманистов многогранно. В. А. Сухомлинский утверждал, в частности, что «нет в мире большей радости. Чем радость дружбы, товарищества, братства, взаимопомощи, поддержки» [18, с. 6]; истинная радость обретается в процессе человеческого взаимодействия, в акте творения добра (ибо дружба, взаимопомощь, поддержка есть не что иное, как оказание добра кому-то и при этом получение добра для себя, которое приносит всякий нравственный поступок).

Труд в гуманистическом понимании предстает в единстве деятельностных и духовных проявлений. В. А. Сухомлинский, как и гуманисты прошлого, преклонявшиеся перед красотой и гармонией земного мира, исходил из того, что чувственным источником духовной жизни является материальный мир, объективная действительность, а потому все духовное – нравственные, интеллектуальные, эстетические запросы – развивается и удовлетворяется через активную деятельность. Духовное содержание человека тем богаче, чем плодотворнее влияние общественного сознания на сознание, чем идейно насыщеннее общественная практика в целом (см. [11, с. 6]). Человек Сухомлинского – человек трудящийся, человек в социуме, в общественных связях, черпающий свои силы в социальной действительности и преобразующий ее. Интерпретируя труд в понятиях счастья, радости, красоты («труд – основа человеческого счастья» [14, с. 25]; «труд радует ребенка сам по себе» [14, с. 8]; «человеческая красота раскрывается ярче всего в труде» [17, с. 73], В. А. Сухомлинский тем самым наделяет его статусом возвышенной идеи.

Идеал для гуманистов – всегда гармония. Форма у Сухомлинского одухотворена, а идея обязательно материализуется в конкретных человеческих деяниях. Педагогика исходит из мировоззрения, которое по своему содержанию дидактично, как назидательна и вся гуманистическая философия – и в этом, видимо, ее главная специфика. Социопедагогическую концепцию В. А. Сухомлинского называют общепедагогической (см. [7, с. 4]), что, на наш взгляд, вполне справедливо, ибо аспект «знаниевый», фактор «научения» подчинен идее личностного гармонического становления, органического «встраивания» человека в совершенствующуюся картину мира. Для В. А. Сухомлинского желаемая гармония – это «единство физического, нравственного, эстетического совершенства» [15, с. 64].

Человек совершенный, по определению, «возвышен» над действительностью, еще не обретшей идеальных очертаний, над другими людьми, еще не достигшими истинных высот в осуществлении личностного самосовершенствования. Следовательно, концепция «идеала», «возвышенного» имплицитно структурирует образовательный процесс как универсальное

условие более или менее полного проявления человеческой сущности. Проблема идеала в образовании не есть некая умозрительная конструкция, исключительно «теоретический» конструкт вне времени и пространства. Она изначально одухотворена человеческим «присутствием», а потому ее «онтология» не требует для своего описания особого терминологического аппарата. В предельном отношении результатом образовательного процесса, основанного на гуманистическом синтезе антропологообразовательных традиций, выступает человек во всей красоте и совершенстве своей сущности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бибихин В. В.** Язык философии. – 3-е изд., стер. – СПб. : Наука, 2007. – 389 с.
2. **Булавка С. А.** От советской культуры к средневековью российского постмодернизма // Стратегия России: общество знаний или новое средневековье : материалы конф. 3–4 апр. 2008 г. / под общ. ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. – М. : ЛЕНАНД, 2008. – С. 49–54.
3. **Иероним.** Письмо к Лете о воспитании отроковицы ; пер. с лат. // Антология педагогической мысли христианского Средневековья : пособ. : в 2 т. – М. : Аспект Пресс, 1994. – Т. 1. – С. 120–122.
4. **Иоанн Златоуст.** Пять слов об Анне / пер. с греч. // Антология педагогической мысли христианского Средневековья : пособ. : в 2 т. – М. : Аспект Пресс, 1994. – Т. 1. – С. 200–202.
5. **Климент Александрийский.** Педагог. Книга первая / пер. с греч. Н. Корсунского // Антология педагогической мысли христианского Средневековья : пособ. : в 2 т. – М. : Аспект Пресс, 1994. – Т. 1. – С. 32–37.
6. **Энциклопедический словарь** Брокгауз и Ефрон: биографии : в 12 т. / под ред. В. М. Кареева, М. Н. Хитрова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. – Т. 6. – С. 135–137.
7. **Медынский Григорий.** О книге В. А. Сухомлинского «Письма к сыну». – М. : Просвещение, 1979. – С. 3–6.
8. **Осипов Г. В.** Семь ударов по планете и России // Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / под ред. Г. В. Осипова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 4–15.
9. **Романенко И. Б.** Западноевропейские парадигмы образования // Антропологический синтез: религия, философия, образование / сост., предисл. А. А. Королькова. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 30–53.
10. **Сухомлинский В. А.** Воспитание советского патриотизма у школьников. Из опыта работы сельской школы / под общ. ред. А. И. Соболева. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1959. – 148 с.
11. **Сухомлинский В. А.** Духовный мир школьника (подросткового и юношеского возраста). – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1961. – 223 с.
12. **Сухомлинский В. А.** Как воспитать настоящего человека (этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / сост. О. В. Сухомлинская. – М. : Педагогика, 1989. – 288 с.
13. **Сухомлинский В. А.** Мудрая власть коллектива (Методика воспитания коллектива) : в 3 т. / сост. О. С. Богданова, В. З. Смаль, А. И. Сухомлинская. – М. : Педагогика, 1981. – Т. 3. – С. 205–394.
14. **Сухомлинский В. А.** Павлышская средняя школа. Обобщение опыта учебно-воспитательной работы в сельской средней школе // Сухомлинский В. А. Избр. пед. соч. : в 3 т. / сост. О. С. Богданова, В. З. Смаль. – М. : Педагогика, 1980. – Т. 2. – С. 5–383.

15. Сухомлинский В. А. Письма к отцу. – М. : Просвещение, 1969. – 96 с.
16. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина // Сухомлинский В. А. Избр. пед. соч. : в 3 т. / сост. О. С. Богданова, В. З. Смаль. – М. : Педагогика, 1979. – Т. 1. – С. 267–538.
17. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям // Сухомлинский В. А. Избр. пед. соч. : в 3 т. / сост. О. С. Богданова, В. З. Смаль. – М. : Педагогика, 1979. – Т. 1. – С. 25–266.
18. Сухомлинский В. А. Трудные судьбы. – М. : Знание, 1967. – 79 с.
19. Сухомлинский В. А. Формирование коммунистических убеждений молодого поколения / под ред. Н. И. Болдырева. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 176 с.

УДК 17.023.36

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Н. Н. Сизова (Зеленогорск)

В статье обосновывается необходимость учета принципа единства обучения и воспитания в сфере образовательной деятельности в современном российском обществе. Показывается, что в странах Западной Европы на основе метафизического философского теоретизирования широко распространена софистская концепция образования – так называемая «образовательная технология». В России на основе диалектической методологии получила развитие платоновско-аристотелевская концепция, основу которой составляет принцип единства обучения и воспитания. Подробный анализ отечественной образовательной доктрины позволяет определить причинно-следственные связи и указать основные факторы развития личности и общества. В результате институты управления образованием смогут опираться на всестороннее понимание закономерностей отечественного образовательного процесса.

Ключевые слова: диалектика, обучение, воспитание, образование, развитие, совершенствование, личность, общество, прогресс.

TRAINING AND EDUCATION UNITY PRINCIPLE IN THE COURSE OF PERSON PERFECTION

N. N. Sizova (Zelenogorsk)

The aim of this article is to base the necessity of the account of training and education unity principle in sphere of educational activity in a modern Russian society is proved. It is shown that on the basis of metaphysical philosophical theorizing the sophistic concept of education, so-called «educational technology», had got the wide circulation in countries of Western Europe. In Russia the plato-aristotel concept of education has developed on the basis of dialectic methodology

Сизова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры Электрохимического учебно-научно-производственного комплекса СФУ.
663690, Красноярский край, г. Зеленогорск, ул. Гагарина, д. 10.
E-mail: sdazgr@mail.ru